

УДК 81.2.2
DOI 10.17223/18137083/63/16

Л. В. Озолия

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

О составлении двуязычных словарей (на материале русско-орокского словаря)

Анализируются вопросы, связанные с созданием лексикографических описаний тунгусо-маньчжурских языков: объем словаря, структура словарной статьи, выбор соотносительной начальной формы в качестве заголовочного слова, причины трудностей, возникающих при лексикографической обработке материалов языков различной типологии, связанные с отсутствием грамматик большинства тунгусо-маньчжурских языков, и обосновывается необходимость использования универсальных критериев при выделении частей речи.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, лексическая единица, грамматические категории, алфавитный способ, заголовочное слово, грамматическая форма, дефиниция, стратегии толкования, семантическая структура, иллюстративный материал.

В настоящее время задачи фиксации текстовых материалов и создание на их базе лексикографических описаний для миноритарных языков, многие из которых находятся на грани исчезновения, приобретают особую актуальность. Словари позволяют в определенной мере сохранить уходящие языки.

В российской лексикографии создание корпуса двуязычных словарей предполагает составление национально-русского и русско-национального. Словарный состав этих словарей не имеет полного совпадения, что определяется, во-первых, целями и задачами, которые решает каждый словарь, во-вторых, лексико-грамматическими особенностями описываемых языков, их структурно-типологической характеристикой, во многом определяющей возможности максимально полного отражения лексики описываемых языков в плане соотношения лексических единиц (ср., например, «Якутско-русский словарь» [1972] и «Русско-якутский словарь» [1968]).

Национально-русский словарь актуален при наличии коммуникативного статуса языка, письменности, литературы, средств массовой информации и т. п., так как ориентирован на максимальную репрезентацию лексической единицы нацио-

Озолия Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; larisa-3302803@rambler.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 2
© Л. В. Озолия, 2018

нального языка во всей полноте, особенно на представление национальной безэквивалентной лексики, а также ее грамматических и функциональных особенностей. Он необходим тем национальным представителям, кто, свободно владея родным языком, недостаточно хорошо знает русский для полноценной коммуникации или чтения литературы на русском.

Русско-национальный словарь необходим преимущественно тогда, когда базовым языком при изучении родного становится русский, когда фактически можно говорить о ревитализации родного языка. Именно русско-национальный словарь позволяет через соотнесение с русскими лексическими единицами достаточно полно представить средства родного языка в их функциональном и специфическом многообразии, максимально репрезентируя русскую лексику и предлагая наиболее семантически близкие или тождественные (при наличии) национальные эквиваленты.

Современное состояние многих миноритарных языков, обусловленное малой численностью этноса, ограничением сферы использования родного языка или вообще утратой им коммуникативного статуса (что ныне не редкость при массивном влиянии русского языка как средства межнационального общения и «проводника» в мировую культуру), делает задачу создания именно корпусов словарей не только актуальной, но одной из важнейших. Именно словари практически становятся средствами сохранения национального (родного) языка, решая задачу максимальной его репрезентации, причем не только лексического состава, но и в определенной мере грамматики и синтаксиса, представляя всякую лексическую единицу и ее семантическую структуру через привлекаемый контекст, иллюстрируя ее грамматические категориальные признаки и синтаксические (функциональные) возможности. Решение этих задач определяет характеристики двуязычных словарей нового типа.

Традиционно словари языков малочисленных этносов создавались по стандарту: словарная статья представляла собой слово с указанием в лучшем случае принадлежности к грамматическому классу (или разряду служебных слов) и его значение (см., например, «Русско-нивхский словарь» [Савельева, Таксами, 1965]; «Русско-калмыцкий словарь» [1964] и др.). Но ценность и таких, составленных путешественниками в конце XVIII – начале XIX в. «словарчиков» ныне трудно переоценить: это первые фиксации языков инородцев – коренного населения Дальнего Востока и Сибири.

Большая часть национально-русских и русско-национальных словарей, особенно созданных в советское время, стремилась зафиксировать и представить преимущественно так называемую социально-значимую лексику, делая акцент на общественно-политической терминологии и общеязыковой лексике с небольшим включением разговорно-просторечных и диалектных единиц, предлагая максимально обобщенную семантическую структуру слова, интерпретацию его смыслового содержания, свойственную жестко кодифицированным языкам и внутриязыковым подсистемам, имеющим самое широкое распространение, например русскому языку. Недостаток такого подхода заключался в явном несоответствии объема преподносимой информации общим знаниям и потребностям носителей языка. Условия жизни и быта в национальных поселках и селах аборигенов Сибири имели гораздо больше общего с хозяйственной структурой и бытом жителей русских сельских поселений, что определяло близость состава актуальной национальной и русской разговорной, просторечной или диалектной лексики.

В современных условиях для русско-национальных словарей, в особенности словарей языков малочисленных этносов, к которым относятся, например, ороки (уйльта), предпочтительнее экстенсивная русская номенклатура, т. е. в словник должно включаться максимальное количество единиц, «покрывающих» все ос-

новые коммуникативные потребности, которые определяются актуальностью реалий повседневной жизни независимо от их принадлежности к той или иной языковой подсистеме (общеязыковой, разговорной, просторечной, диалектной и пр.) русского языка. Национально-русские словари, на наш взгляд, должны быть ориентированы на включение всех зафиксированных национальных лексем, независимо от частотности их употребления (см., например, [Курилов, 2001])

При описании языков различной типологии (например, языка флективного типа и языка агглютинативного типа) структура словарной статьи, организованной по типу «слово – значение», не позволяет во всей полноте представить ни лексический состав языка, ни семантику слова, ни собственно язык как обладающую специфическими особенностями структуру и систему, поскольку языковые средства передачи смыслов попросту не совпадают. Например, эквивалентом русского слова в орокском языке может выступать не только лексическая единица, но и словообразовательный аффикс, суффиксальная частица, синтаксическая конструкция и пр.: ср. рус. *отправиться на охоту (охотиться)* и орок. *ван=да=вури*, где *ва-* ‘охотиться, промышленять, добывать’, глаг. суф. *-нда* реализует значение русского глагола ‘отправиться, пойти (совершить какой-либо действие)’ [Озолина, 2015, с. 200] и т. п. Значения отсутствующих в большинстве тунгусо-маньчжурских языков предлогов и союзов в достаточной мере могут быть переданы иными средствами, в частности, падежными суффиксами, послелогами, суффиксальными частицами и т. п.

Несовпадение семантической структуры русского и национального слова часто определяется актуальностью различных факторов для русского человека и аборигена, живущего в естественных природных условиях, например, тунгусы-оленьеводы выделяют до двух десятков названий оленей (в зависимости от пола и возраста, а также использования в хозяйстве), тогда как в русском языке можно обнаружить не более трех-четырёх эквивалентов. В функции актуализаторов в семантически соотносительных лексических единицах русского и национального языков часто выступают совершенно несходные дифференциальные признаки, например: рус. *плыть* ‘передвигаться в воде, по воде (актуализатор – *по, в воде)*’, ср. также перен. *плыть по воздуху* и т. д.; соответствует и орок. *нэнэ=вури* ‘передвигаться: плыть, ехать, лететь, идти (актуализатор – *передвигаться)*’, и глаголы, дифференцирующие передвижение в различных водных пространствах: реке, озере, море, а также определяющие направление движения, например: *соло=вури* ‘плыть, двигаться вверх *против* течения реки (на чем-либо – о человеке, крупном животном, звере)’ и *хэјэ=вури* ‘плыть, двигаться вниз *по* течению реки (на чем-либо – о человеке, крупном животном, звере и т. п.) (актуализатор – направление движения относительно течения реки)’, а также *оннб=ури* ‘плыть, плавать в озере, заливе, т. е. в водоеме, где нет течения (о птице, мелком звере и т. п.)’ и пр. Поэтому при оформлении дефиниции каждой лексемы требуется максимально возможная детализация семантики, при необходимости – с привлечением семантических эквивалентов всех лексических подсистем языка.

Создание любого двуязычного словаря толкового типа сразу наталкивается на проблему корректной соотносимости лексических единиц в языках типологически различных систем, что подразумевает решение вопросов об их полной или условной эквивалентности и в грамматическом, и в семантическом плане.

Проблема интерпретации семантической структуры лексической единицы того или иного языка может быть решена, в первую очередь, на основе квалификации ее грамматического статуса. Это предполагает системность подхода при выделении грамматических классов (частей речи), что возможно исключительно на основе использования одних и тех же универсальных признаков, причем доминирование того или другого определяется типологической характеристикой каждого языка.

На материале тунгусо-маньчжурских языков универсальную теорию выделения частей речи предложил Б. В. Болдырев, определив стандартный набор параметров: общеграмматическое значение, лексическое значение, грамматические категориальные признаки и синтаксическая функция всякой лексической единицы [Болдырев, 2007, с. 53–62]. Использование комплекса параметров позволяет определить принадлежность лексемы к грамматическому классу, чтобы максимально точно соотнести ее с эквивалентом другого языка.

Например, для тунгусо-маньчжурских языков интерпретация семантики того или иного слова (при широко распространенной омонимии, обусловленной конверсией как максимально экономичным способом словообразования) невозможна без установления синтаксического статуса лексической единицы, определяющего ее общеграмматическое значение, которое, в свою очередь, связано с лексическим. Ср.: *мана буччини* ‘старик умер’ и ‘старикова смерть (букв.: умирание)’: *мана горо энуми буччини* ‘старик, долго проболев, умер’ и *мана буччини зин орки осилани* ‘старикова смерть будет очень тяжелой’ и др.

Таким образом, для агглютинативных языков с жестким синтаксическим порядком при определении принадлежности единицы к грамматическому классу доминирующим будет синтаксический параметр (функциональный аспект в предложении, определяющийся позицией слова относительно подлежащего и сказуемого), позволяющий «выявить» общеграмматическое значение (предметность, процессуальность во времени, атрибутивность или адвербиальность), к которому «привязываются» категориальные характеристики (посессивность, число, склонение или спряжение и т. п.). Для языков флективного типа, как, например, русский, доминирующим будет общеграмматическое значение, на которое обычно указывает флексия, отражающая категориальные характеристики (род, число, падеж, спряжение и т. п.), функциональный статус служит в определенных случаях лишь уточняющим параметром.

Разумеется, количество частей речи в языках может не совпадать, они могут отличаться набором и способами выражения морфологических категорий, но выявить эти особенности языка, их специфику поможет только универсальное структурирование грамматической системы. Наличие общеграмматических значений предметности, процессуальности во времени, атрибутивности и адвербиальности делают бесспорным тот факт, что лексических единиц, остающихся за границами имени существительного, глагола, прилагательного и наречия, в языках мира просто не может быть. Практически это означает, что несоотносимых в грамматическом аспекте слов в языках различной типологии нет. Общекатегориальное значение слова в значительной мере облегчает и подбор семантического эквивалента или аналога даже для безэквивалентной лексемы другого языка.

Единицы, не обладающие лексическим значением и не способные самостоятельно выступать в функции членов предложения, не являются частями речи и квалифицируются как служебные слова, используемые для связи слов в словосочетании, предложении или их частей, например, так называемые постфиксальные союзные частицы в тунгусо-маньчжурских языках, соответствующие русским противительным или соединительным союзам, являются присловными, оформляя каждое слово, тогда как в русском языке используется один союз. Будучи единицами грамматическими, в языках различной типологии они достаточно специфичны, что тем не менее позволяет их интерпретировать имеющимися в языке средствами, например, русскому союзу *и* в орокском языке при соединении слов в словосочетании эквивалентна так называемая присловная союзная частица *-jā/-jo*, которая оформляет каждое слово и традиционно пишется через дефис, тогда как в русском языке используется один союз, см.: *мана-jā нуттэ-jo* ‘отец и сын’; предлог *около* передается словосочетанием с послелогом *дакпаду-/дапкаду-*, см.: *бојомби мо дапкадуни битчини* ‘мой медведь около дерева стоял’ и др.

Использование набора универсальных параметров позволяет последовательно описать грамматическую систему языка любой типологии, одновременно сделав ее соотносительной (что особенно важно для сравнительно-сопоставительного языкознания).

Разумеется, особенности грамматического строя национального языка в этом случае должны оставаться в зоне максимального семантического соответствия. Например, в орокском языке единицы, традиционно квалифицируемые как активные причастия, функционируют и как причастия-прилагательные, и как причастия-существительные, соответственно они должны оформляться отдельными словарными статьями как омонимы, поскольку их парадигматические характеристики будут различны.

В русской традиции формальная граница между словоформами имени и глагола пролегал в области грамматики: слово, обозначающее предмет, склоняется, а слово, обозначающее процесс во времени, спрягается. Путаница в решении вопроса о частях речи в типологически различных языках, на наш взгляд, возникает из-за лексической омонимии (традиционно именуемой в сибирских языках синкретичностью основ) и суффиксальной омонимии – совпадения, например, в тунгусо-маньчжурских языках лично-притяжательных именных и лично-числовых глагольных суффиксов.

В тунгусо-маньчжурских языках провести границу между омонимичными формами имени существительного и глагола помогает, как уже упоминалось, синтаксический параметр (функция слова, определяющаяся его местом в предложении, характеризующемся прямым порядком), а также наличие именных возвратно-притяжательных суффиксов, не имеющих в глагольной парадигматике омонимичных аналогов (см. историю так называемых возвратных деепричастий: именно наличие у данных словоформ возвратно-притяжательных суффиксов, оформляющих исключительно имена существительные, всегда вызывало у тунгусоведов сомнения в их частеречной квалификации и, в конце концов, позволило установить принадлежность исходных форм к классу имени существительного, в частности к формам древнего субстантива – утраченного причастия-существительного, что доказал в своем диссертационном исследовании А. М. Певнов [1980, с. 16–21]).

Как результат омонимичности лично-числовых глагольных и лично-притяжательных суффиксов имени существительного при производящей основе – первичной глагольной основе – и функционально-семантических особенностях (посессивные конструкции с этими словоформами семантически эквивалентны соответствующим русским обстоятельственным придаточным) отглагольные имена существительные достаточно долго квалифицировались как «особые глаголы», «особые формы глагола» и т. п. «Отделить» их от глагольных словоформ удалось только по тем основаниям, что они допускали возвратно-притяжательное оформление [Озолия, 2016, с. 213]. В настоящее время можно утверждать, что и «деепричастия», и «особые глаголы», например, в орокском языке, – это достаточно древние формы отглагольного имени из ныне почти утраченной парадигмы (они последовательно дифференцируются в отношении односубъектности и разносубъектности), функционирующие в составе притяжательных конструкций в функции обстоятельств условия, причины, цели, уступки и др. в структурно простом предложении. Такие обстоятельства вполне эквивалентны русским подчинительным предложениям условия, причины, цели, уступки и др. в составе сложноподчиненного предложения, что и отражает обычно русский перевод. Например, орок. *тари нари хурэттэи нэнэхэни сиромбо ва-буззи* (-будду + -и = -буззи) ‘тот человек отправился в лес, чтобы самому убить медведя (букв.: для своего убийства медведя)’ или *бу дэптумэри хози-утаппо пакчиралухани* ‘когда мы кончили есть, начало темнеть (букв.: после нашего окончания еды)’ и др.

Однако и возвратно-притяжательные формы «деепричастия», и причастия-существительные, и отглагольные имена сложной семантики являются грамматическими разрядами единиц класса имени существительного и, хотя и обладают определенными, присущими только им особенностями, в словаре должны отражаться в качестве особых форм имени существительного в соответствующих статьях.

Собственно имена прилагательные в тунгусо-маньчжурских языках достаточно немногочисленны и вполне соотносительны с русскими прилагательными. В грамматический класс имени прилагательного входят грамматические разряды собственно прилагательных, причастий-прилагательных, порядковых числительных-прилагательных и местоимений-прилагательных указательно-атрибутивной семантики. Вообще в языках с наличествующей категорией посессивности необходимость обозначения атрибутивной характеристики предмета в достаточной степени удовлетворялась через притяжательные конструкции, суффиксальные образования атрибутивов представляются избыточными (на их вторичность указывает и немногочисленность словообразовательных суффиксов для прилагательных). В остальном же атрибутивная семантика «покрывалась» немногочисленным классом слов оценочного плана (*старый* – не *старый* (= *молодой*), *хороший* (= *неплохой*) – *плохой*), на основе которых развились вытекающие из обобщенного признака более узкие значения (*здоровый* – *больной*, *качественный* – *некачественный* и пр.), прилагательными цветообозначения, а также отыменными образованиями, называющими признак по материалу, четко дифференцируя его по таким семантическим характеристикам, как «сделанный из какого-либо материала» и «относящийся к какому-либо материалу», например: *нутэ=мэ* ‘нефтяной, из нефти’ (нефтяное <пятно>) и *нутэ=ни* ‘нефтяной, относящийся к нефти’ (нефтяная <вышка>).

Проблемы оформления дефиниции слова связаны с тем, что часто формальная и семантическая структуры, например тунгусо-маньчжурского и русского слов, особенно если говорить о некоторых разрядах числительных-существительных, глагольных словоформах и отглагольных именах, абсолютно не совпадают.

Семантическая структура орокского слова почти всегда значительно шире, особенно это касается глагольной лексики и отглагольных образований, и, наоборот, уже, конкретнее применительно к именам существительным, прилагательным и отыменным образованиям. Поэтому в качестве пояснительного материала, позволяющего максимально точно объяснить то или иное значение национального слова, привлекается не только литературная и разговорная, но часто и русская диалектная лексика, тяготеющая к большей конкретизации, детализации.

Например, орок. *пуливури* (*пули=лу=вури*) ‘начать брести; идти, гулять’ = рус. ‘побрести, бродить, гулять’, где *пули-* ‘бродить’, *-лу* – суффикс начинательности действия, *-вури* – суффикс формы, эквивалентной русскому инфинитиву; *эркэ пулилувури*, *эркэ нэнэлэвури* (*нэнэ=лэ=вури*) ‘едва побрести, потащиться’, ‘пойти медленно’. При этом основное значение основы глагола *нэнэ-* ‘передвигаться, перемещаться в пространстве’ реализует значения таких русских лексических единиц, как ‘идти, пойти’, ‘отправляться, отправиться’, ‘ехать, поехать’, ‘лететь, полететь’, ‘плыть, поплыть (по морю)’. Аналогично основное значение орок. глагола *дау=вури* ‘преодолеть что-либо (реку, гору и т. п.)’ реализуется через русские лексические единицы ‘переходить, перейти’, ‘перелетать, перелететь’, ‘переплыть, переплыть’, ‘переправляться, переправиться (через что-либо)’ и пр.

Семантика русского слова в словаре может трактоваться способом синонимической подмены, через соотносительные семантические и/или понятийные эквиваленты в орокском языке, а также описательно (при невозможности передачи значения русского слова иными средствами орокского языка). Отражение в русско-национальном словаре полужнаменательных глаголов типа *намереваться*,

заставлять, собираться, позволять (сделать) и т. п. определяет необходимость привлечения в качестве семантических эквивалентов лексических единиц словообразовательных залоговых, модальных и модально-оценочных суффиксов, формирующих производную основу, соответствующую русскому словосочетанию, например:

отправиться (отправишься, отправятся) передается через присоединение к первичной (непроизводной) основе глагола суффикса *-нда* 'отправиться, пойти': □ *отправиться на охоту (пойти на охоту, пойти охотиться)* *вā=нда=вури*;

собираться (собираешься, собираются) передается через присоединение к первичной (непроизводной) или производной основе глагола суффикса *-та* 'намереваться, планировать': □ *собираться отправиться на охоту* *вā=нда=та=вури*;

заставлять (заставляешь, заставляют) передается через присоединение к глагольной основе суффикса *-бун (-вун, -пун, -ун, -в)* 'принуждать': □ *заставлять идти на охоту (охотиться)* *вā=нда=в=вури* (как результат стяжения *вā + нда- + ун + вури*) и др.

При систематизации значений внутри словарной статьи предпочтительнее использовать принцип от общего к частному, т. е. в качестве первого лексического эквивалента предлагается слово более общей семантики, уже за ним следуют относительные синонимы с обязательным помещением перед каждым словом в скобках семантического дифференциала, например:

палить¹ (палишь, палят) 1) 'опаливать, обрабатывать огнем – выжигая шерсть, волосы' *қамучивури (қамучи-)*; 2) 'выжигать огнем – траву' *дэгдэлэ-вури (дэгдэлэ-)*; 3) 'обдавать жаром, зноем – о солнце' *суналавури (сунала-)*;
палить² (палишь, палят) 1) 'непрерывно стрелять – из ружья, винтовки' *мевчанавури (мевчана-)*; 2) 'стрелять из огнестрельного оружия залпами' *мевчалавури (мевчала-)* и др.

Условность семантической эквивалентности лексических и синтаксических единиц типологически не сходных языков обусловила введение буквальных переводов как при национальных лексемах, так и при подаче иллюстративного материала, хотя в определенной степени это «отяжеляет» словарную статью. В грамматических и синтаксических описаниях сибирских языков в подобных случаях широко используется глоссирование, но в словаре оно в силу объективных причин применено быть не может, поэтому обычно в круглых скобках через помету *букв.* вводится дословный перевод. Например, название месяцев в орокском языке носит исключительно ассоциативный характер и не столько соотносится с определенным временным промежутком в 28 или 30–31 день, условно «замкнутым» на лунный календарь, сколько с сезонными природными проявлениями, т. е. буквальный перевод подчеркивает условный характер предлагаемого орокского эквивалента например:

сентябрь, -я, м. *дā(и) сирокку бēни* (*букв.*: 'месяц спаривания диких оленей', см.: *сирокку* 'спаривание оленей');

октябрь, -я, м. *бэјэл бēни* (*букв.*: 'месяц некрепкого, «молодого» льда', см.: *бэјэл* 'первый некрепкий лед');

ноябрь, -я, м. *путтакку бēни* (*букв.*: 'месяц силков', см.: *путтакку* 'ловушки давящего типа, «силки»') и др.

Семантика национального слова формируется и как результат лингвистических трансформаций (например, расширение или сужение значения, перенос значения под воздействием семантической структуры русского слова и др.), и как

результат воздействия экстралингвистических факторов (появление новых реалий действительности, требующих своего наименования в языке, что определяет необходимость приспособления уже известных слов родного языка, соотносимых с новой реалией, предметом, процессом, качеством, по каким-либо параметрам или же в результате формирования у носителей языка неких ассоциативных связей), например:

включать (включáешь, включáют) 1) ‘об электрическом свете’ *дэгдэлэ-вури (дэгдэлэ-)* [*< дэүдэ-вури ‘гореть, жечь’*]; 2) ‘об электрических приборах – телевизоре, стиральной машине, холодильнике и пр.’ *бабгалавури (бабгала-)* [*< бабгалавури ‘втыкать, вонзать’*];

выключать (выключáешь, выключáют) 1) ‘об электрическом свете’ *гуну-вури (гуну-)* [*< гуну-вури ‘тушить (огонь, пожар)’*]; 2) ‘об электрических приборах – телевизоре, стиральной машине, холодильнике и пр.’; *тунулли-вури (тунулли-)* [*< тунулли-вури ‘выдергивать (что-то воткнутое)’*] и др.

Поскольку семантическая составляющая не может дать полного представления о возможностях лексической единицы в речи, функционально-грамматический аспект остается как бы за рамками словарей с традиционной микроструктурой. В современных русско-национальных словарях, на наш взгляд, наряду с семантической, обязательно должна быть представлена и грамматическая, и функциональная составляющие, т. е. вводятся контексты, иллюстрирующие грамматические и синтаксические (функциональные) возможности слова.

Таковы основные проблемы, возникающие при создании лексикографических описаний миноритарных языков различной типологии, и предлагаемые стратегии решения, которые позволят максимально точно репрезентировать лексику каждого языка.

Приложение

Примеры оформления словарных статей «Русско-орокского словаря»

Структура словарной статьи предполагает использование стандарта: заголовочное слово – дефиниция (= семантический эквивалент) – иллюстрация. Заголовочное слово предлагается с грамматическим стандартом, репрезентирующим место слова в системе частей речи и отражающим его основные категориальные характеристики в русском языке, многосложные слова предлагаются с ударением.

В конце словарной статьи под особыми символами помещаются нестандартные грамматические формы (числа, падежа и пр.), а также устойчивые словосочетания фразеологического типа. При возможности в квадратных скобках помещается справочный материал этимологического и семантического содержания. Иллюстративный материал предполагает привлечение контекстов, в которых реализуются, при наличии словоизменительных категорий, различные формы слова (падежные, числовые, наклонений и т. п.), предпочтительнее – в той или иной мере подтверждающие его семантику.

– В –

В (во), *предлог*. 1) (о направлении движения – вдоль) передается суффиксом направительно-дательного падежа *-таи, -тэи*: *старики отправились в лес искать своего медведя ‘сагзисал пурэтгэј нэнзүэти бојомбори гэлэбүддöри’; потом тот богатый в дом вошел ‘чöччери тари манга дукүтај ихэни’; поехали мы с отцом*

далеко в горы, в верховье реки Вал ‘бу амимуна нэннепу зин гороло **хурэлтэј**, соломбри Валу уннени’; *убитые ими красные волки в воду падают* <с моста> ‘ваха заргулинучи **муттэи** туккичи’;

2) (о направлении действия) передается суффиксом продольного падежа -ки (-кки) ~ -ке (-кке): *она положила деньги в карман* ‘нони гумаскалба **карманулки** гидалахани’; *Мокчу, к месту около двери подоидя, в дырку смотрел* ‘Мокчу килтами аптууатчи гида **санаки** итэчихэни’; *вдруг наконечник стрелы попал в колено Мокчу* ‘чомзика тада чипамзи намгухани-гани Мокчу **пэнэкини**’; *тот мальчик, выпрыгнув в дымовое отверстие, в лес убежал* ‘тари путтэ **чоккоки** поччоуоччи пурэттэј тутахани’;

3) (о местонахождении) передается суффиксом местного I падежа -ду ~ (при возвр.-притяжат. склон.) -зи: *осенью в лесу очень шумно (оживленно)* ‘боло **пурэнду** бивуки зин хауниули’; *в этой реке осенью бывает очень много рыбы* ‘ча **униду** боло зин бāра(н) сундата бивуки’; *в устье реки построили себе шалаи* ‘ун’а **дэрэндуни** аундавдори андучичи’; *старуха увидела, что старик в своей лодке сидит* (букв.: увидела сидение старика в своей лодке) ‘мама итэхэни мапа **углази** тэхэмбэни’;

4) (о направлении движения вообще) передается суффиксом местного II падежа -ла ~ -лэ: *младший сын отправился в местность Тэккэ, взяв одну нарту богатства* ‘нэвдүмэ путтэни геда ирруна закка, хоримба улаба олбими нэнэхэни **Тэккэлэ**’;

5) (о пространстве – внутри) передается послелогом дбду- с притяжат. афф.: *в доме сидела одна старуха* ‘дуку **дбдуни** гēда мама биччини’; *в шкафу есть посуды* ‘шкафу (искапу) **дбдуни** аллукул, часикал битти’;

6) (о времени) передается суффиксом местного I падежа -ду или суффиксом местного II падежа -ла: *в будущем месяце у тебя родится ребенок* ‘готти **бэду** си путтэси балзиллини’; *в такое время мы с отцом поехали на охоту* ‘ча **эрунду** бу амимуна нэннепу гобдондомори’; *когда-то давно в месяце ноябре два брата из рода Гетта пошли ставить силки на зверя* ‘халан-да боло путта **белани** нэвмунэсэл Гетта путтатчиндамари нэнэүэчи’;

7) (о надетой одежде, обуви) передается суффиксом обладания -лу: *зимой все дети ходят в валенках* ‘тувэду пурил типалин **утталу** бивукил’; *та его девушка была в красивом платье* ‘ча паталаңдони улиңгази **ул’бахулла** битчи(н)и’;

8) (о движении – по направлению к чему-либо) передается послелогом бāру- с притяжат. афф.: *богатыри в это село отправились* ‘мангасал ча гасамба **бāруни** нэнэүэчи’; *вдруг медведь встал на задние лапы и пошел в сторону нашей палатки* ‘чотчи бојо(н) илихани хамари бэгзизи, чотчи нэнэхэни бу палаткапу **баруни**’;

◇ **выстрелить в кого-либо** передается суффиксом вин. п. -ва (-во/-вэ) ~ -(м)ба (-бо/-бэ) ~ -на (-нэ); *у отца ружье было наготове, он прицелился и выстрелил в медведя* ‘аминдуве мевча битчини бэлэј, нони чокоригатчи мевчалахани **бојомбо**’; *тогда старик выстрелил в богатыря* ‘чонила мапа **мэргэмбэ** мевчалахани-тани’;

◆ **взять в жёны (жениться на ком-либо)** гаури (га-), асизи гаури (га-), асикал’аури (асикал’а-), мамануллаури (маманулла-); *та женищина сказала: «Не старайся, этот человек тебя в жёны не возьмет (на тебе не женится)!»* ‘тари эктэ учини: «Эззе маңдута, эри нари синзи элливи **асилата!**»’; *Гэвхэту дочь царя в жёны взял* ‘Гэвхэту эдэ паталануни асизи **гаччини-тани**’; *один из богатырей взял в жёны дочь главы города* ‘гедадума мэргэ экину паталаңдони **гаччини**’; *поднявший тот камень возьмет в жёны дочь главы гороад* ‘чā зблло эврехэни экину паталаннони **гәллини**’.

Важно, нареч. 1) (с важным видом) тэддэ; *шаманка важно сказала старику* ‘эктэ сāма(н) мапатај **тэддэ** учини’; *старик важно спросил: «Кто ты: человек ли или вправду медведь?»* ‘мапа **тэддэ** панучини: «Си хаиси, нариси-ју, тэддэ ббјоси-

ју?»); *старуха важно уселась на малу* (почетном месте в жилище) ‘мама малуду **тэддэ** тэхэни-тэни’; *наш начальник важно шёл по улице* ‘зангенупу ббккё **тэддэ** нэнэхэни’;

2) (в предикативной функции – иметь значение) киүүргэ; *все это было очень важно* ‘хэј-да чипāли зин **киүүргэ** биччин(и)’; *ну, важно лечить туберкулез, а то умрешь* (букв.: для своего неумирания) ‘гэ, с’экс’эннё октивури **киүүргэ** эбуззи буддэ’.

Варить (варю, варишь) 1) олоури (олб-) ~ улэури (улэ-); *мама варит суп* ‘би энимби **олбсини** силлэ’; *чье мясо* (мясо какого животного) *ты вчера варила?* ‘хэј-да улиссэнуни си чинё **олоуоси-ју?**’; *те люди, если убьют дикого оленя, будут варить мясо* (букв.: дикого оленя убив) ‘тари нарисал сиромбб вāписса улиссэнуни **ололлотти**’; *жена его постоянно рыбу варила* (букв.: постоянно варящая рыбу была) ‘мамануни сундатта чи **олбвки** биччини-да’; *тот черт своей жене говорит: «На! Вари!»* ‘амбануни аситаки унзини: «Ма! **Улосу!**»’; *старик женщине сказал: «Что он тебе даст, ты не вари!»* (букв.: при условии его давания тебе чего-то, ты <это> не будешь варить) ‘мапа ча эктэтэј уччини: «Хэјва-да ситтэј нōни буүүтэни **эсилэсу улэ!**»’;

2) (вообще готовить) астāури (астā-); *старшая сестра еду стала варить* ‘эјүэни дэпё **асталухани**’;

3) (в котле) энурэзивури (энурэзи-); *ну, тот черт взял котел, огня не стал разводить в очаге и начал варить чьи-то мозги* ‘гэ, тари амба(н) энуккэ дāпауаччи, таввā эми-дэ иванда хэј-да идэвэни **энурэзиллини-гани**’; *вы свою оленину в котле варите!* ‘ула улиссэнури **энурэну(в)су!**’;

4) (кипятить, отваривать в кипящей воде) поссолівури (поссолів-); *та шаманка варила чай* ‘ча сама эктэ хэјва **поссолихани**’; *та женщина рыбу варила, чай кипятила* ‘тари эктэ сундаттā **поссолихани**, хэјва **поссолихани**’.

Список литературы

- Болдырев Б. В.* Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 746 с.
- Курилов Г. Н.* Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 606 с.
- Озолия Л. В.* О структурной и семантической соотносимости грамматических единиц языков типологически различных систем. Ч. 2: Структурно-семантические модели (на материале орокского и русского языков) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 193–201.
- Озолия Л. В.* Соотносительность форм глагола в русском и орокском языках // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 211–221.
- Певнов А. М.* Деепричастия на -ми в эвенкийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 23 с.
- Русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. энцикл., 1964. 803 с.
- Русско-якутский словарь. М.: Сов. энцикл., 1968. 720 с.
- Савельева В. Н., Таксами Ч. М.* Русско-нивхский словарь. М.: Рус. яз., 1965. 304 с.
- Якутско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1972. 605 с.

Список сокращений

Афф. – аффикс; **возвр.** – возвратный; **глагол.** – глагол; **нареч.** – наречие, **орок.** – орокский язык; **п.** – падеж; **перен.** – переносное значение; **притяжат.** – притяжательный; **рус.** – русский язык; **склон.** – склонение; **суф.** – суффикс.

L. V. Ozolinya

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, larisa-3302803@rambler.ru*

On compiling the corpora of bilingual dictionaries

The paper analyzes the issues related to the lexicographic description of typologically different languages: especially, Russian and the Tungusic languages. It is the need for compiling the corpora for dictionaries including National indigenous language – Russian and Russian – National indigenous language that is substantiated. While carrying out the complete word sampling, the author considers the parameters which are regulating the inventory of lexical units entered into the dictionaries of both types and the character of the preferable text materials chosen as illustrations of the semantic component and functional-grammatical characteristics. The inventory structure determines the dictionary volume scope. The strategies of structuring a vocabulary entry, selecting a correlative basic form as an entry headword, are proposed. For example, in the Tungusic languages, the primary stem is presented as a basic form which can not be used as a lexical unit without temporal and person-number marking etc. The difficulties arising in lexicographic processing of the materials of typologically different languages are caused by the unavailability of detailed grammatical descriptions of most Tungusic languages, the vagueness of the issues concerning the number of parts of speech, the form of presenting an entry head word etc., on the one hand, and the availability of parts of speech and grammatical categories in the Tungusic languages corresponding to no adequate Russian equivalents, on the other, and conversely (e. g. the availability of the noun category of possession (direct and indirect possession), the lack of the aspect category of the primary stem, the lack of the noun gender category, etc. The necessity of applying universal criteria for identifying the part-of-speech inventory in typologically different languages, which will allow for maximally equivalent correlation of lexemes as grammatical units, is validated. The strategy of maximum authentic correlation of the lexical and grammatical component of the language unit in typologically different languages, particularly in inflectional and agglutinating ones is proposed. The ways of solving the problems of equivalently rendering the lexical component of an indigenous language word (e. g. the semantic equivalent of an indigenous language lexeme may be not only a Russian lexical unit but also a word phrase – a syntactic construction), or mapping the Russian word equivalents which are often represented by an affixal element (a suffix, a suffixal particle, etc.) are considered.

Keywords: Tungusic languages, lexical unit, grammatical categories, alphabetic approach, grammatical form, entry head word, non-standard grammatical forms, semantic interpreting strategies, semantic definition structure, illustrative language materials.

DOI 10.17223/18137083/63/16

References

- Boldyrev B. V. *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Morphology of Evenki language]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 746 p.
- Kurilov G. N. *Yukagirsko-russkiy slovar'* [Yukaghir-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2001, 606 p.
- Ozolinya L. V. O strukturnoy i semanticheskoy sootnosimosti grammaticheskikh edinit yazykov tipologicheskii razlichnykh sistem. Ch. 2: Strukturno-semanticheskie modeli (na materiale orokskogo i russkogo yazykov) [On the structural and semantic correlation of grammatical units of the languages in typologically different systems. Pt 2: Structural-semantic models (based on the material of Oroch and Russian languages)]. *Siberian Philological Journal*. 2015, no. 1, pp. 193–201.
- Ozolinya L. V. Sootnositel'nost' form glagola v russkom i orokskom yazykakh [The correlation of verb forms in Russian and Oroch languages]. *Siberian Philological Journal*. 2016, no. 2, pp. 211–221.
- Pevnov A. M. *Deeprichastiya na -mi v evenkiyskom yazyke* [Adverbial participles with -mi in Evenki]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1980, 23 p.
- Russko-kalmytskiy slovar'* [Russian-Kalmyk dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1964, 803 p.
- Russko-yakutskiy slovar'* [Russian-Sakha dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1964, 1968, 720 p.
- Savelyeva V. N., Taksamy M. N. *Russko-nivkhiyskiy slovar'* [Russian-Nivkh dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk, 1965, 304 p.
- Yakutsko-russkiy slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1972, 605 p.